

Российский экспорт энергоносителей – успеваем развернуть?¹

И.А. ДЕЦ, кандидат географических наук. E-mail: igordets@ya.ru
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск
ORCID ID: 0000-0002-0230-3369

Аннотация. В ситуации резкого падения мировых цен на энергоносители особенно сильный удар по своей экономике испытывают страны – экспортёры нефти, газа и угля. При этом конкуренция между давними поставщиками «классического» энергетического сырья в последние годы обострилась из-за развития технологий по добыче сланцевых залежей нефти и газа и всё более успешного использования странами с развитой экономикой энергии ветра и солнца. Для России экспорт энергоресурсов уже много лет составляет основу экономики, что требует пристального внимания федерального правительства к развитию поддерживающей внешнюю торговлю транспортной инфраструктуры. Статья посвящена анализу факторов и тенденций развития сырьевых энергетических рынков, а также обзору действий российских властей по стимулированию развития экспортной инфраструктуры в последние годы.

Ключевые слова: экспорт; нефть; природный газ; уголь; СПГ; возобновляемые источники энергии; трубопроводы; морские порты; БАМ; Транссиб

Роль экспорта в российской экономике

Критическое положение на мировых рынках традиционного российского экспорта, обострившееся на фоне экстренных мер по противодействию распространению нового коронавируса, стало шоковым для экономики РФ. Резко сократившееся потребление энергоресурсов обрушило цены на нефть и продукты её переработки, что даже при наличии значительных накопленных финансовых резервов в Фонде национального благосостояния (ФНБ) – 123,3 млрд долл. США на 1 марта 2020 г.² – крайне негативно скажется на перспективах российской экономики.

¹ Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А19-119122490007-4) и при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00005.

² Объем Фонда национального благосостояния. Минфин России. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics/?id_65=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya (дата обращения: 23.04.2020).

Этот фактор, а также общее ограничение экономической активности в стране и в мире, необходимое для снижения темпов распространения COVID-19, приведут к сокращению ВВП страны, которое, по отдельным оценкам, может достичь 10–11% [Аналитики..., 2020].

Огромную важность в данной ситуации имеют принимаемые властями меры по поддержке граждан, малых и средних предприятий, различных отраслей и пр., однако не менее важно проанализировать и общую политику государства по развитию экспорта и обеспечивающей его инфраструктуры, как фундамента российской экономики.

Значение экспорта для национальной экономики традиционно остаётся очень высоким: ещё со времен советской индустриализации страна нуждалась в импортных технологиях и оборудовании, которое могло быть закуплено только за счёт активного экспорта ресурсов и продовольствия. Достигнутый уровень развития промышленности позднее позволил несколько ослабить зависимость от закупок иностранных технологий, однако доходы от экспорта в целом оставались крайне важной основой народного хозяйства СССР.

С ликвидацией планового управления целые отрасли российской экономики, включая машиностроение, фармакологию и многие другие испытали серьёзный шок от сокращения государственного заказа и конкуренции с иностранной продукцией. Только немногочисленные ресурсодобывающие отрасли стабильно продолжили свою работу в рыночных условиях и стали обеспечивать импорт большей части потребительских и промышленных товаров в страну.

На волне экономического роста в начале 2000-х годов правительство России стало проводить работу над многочисленными стратегиями социально-экономического развития страны и ее регионов, но заложенные в эти стратегии меры по поддержке развития несырьевых отраслей не были реализованы или оказались малоэффективны [Гулин и др., 2018; Шуплецов, Буньковский, 2016].

В последние годы власти уделяли особенно много внимания поддержке импортозамещения во всех возможных отраслях хозяйства, однако достичь заметных результатов удалось лишь в очень ограниченном ряде секторов экономики [Кузнецова, Цедилин, 2019; Содномова, Рубцова, 2020; Шманев и др., 2019].

Большая часть товаров народного потребления, высокотехнологичная продукция, включая станки и электроприборы, как и прежде, закупается за границей.

Уже в условиях разгорающегося кризиса в апреле 2020 г. глава Минэнерго РФ Александр Новак обратился к премьер-министру за одобрением разработанной энергетической стратегии страны до 2035 г. И снова одной из важнейших целей предполагается сделать развитие и диверсификацию экспорта. Однако реальные итоги планируемой диверсификации могут очень мало отличаться от тех, что достигнуты за последнее десятилетие.

Анализ доступной статистики Федеральной таможенной службы с 2011 г. по «Экспорту Россией важнейших товаров»³ говорит сам за себя: за прошедшие годы список из 38 товаров был расширен лишь в 2018 г., за счет введения в него растительного масла и рыбы свежей и мороженой. Товары с высокой степенью переработки в этом списке практически отсутствуют. Доминируют в нем минеральное сырье, металлы, удобрения и лесоматериалы, которые дополняются небольшим числом позиций продукции сельского хозяйства. Из машиностроительной продукции, кроме вооружения, на экспорт отправляется только небольшое число легковых и грузовых автомобилей.

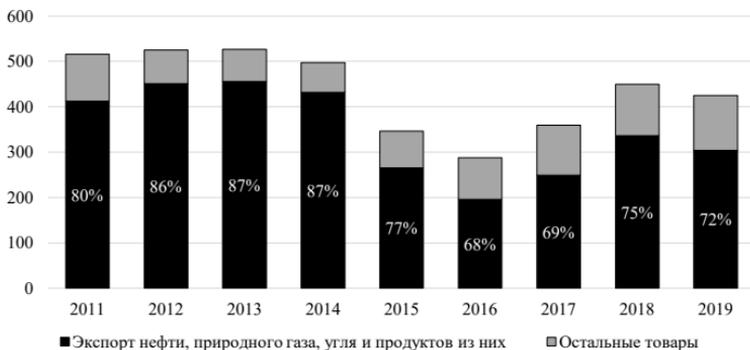
Доля энергоресурсов в российском экспорте (в стоимостном выражении) крайне велика и в последние годы колебалась от 68 до 87%, что прежде всего зависит от цены на эти ресурсы на мировых рынках (рисунок), так как в натуральных показателях экспорт нефти, газа и угля из года в год растет (на 22%, 36%, 86% соответственно за период 2011–2019 гг.).

Рост объемов экспорта отмечался и в других отраслях. Например, достаточно заметным он оказался для пшеницы и меслина (в 2,1 раза в тоннах и 174% в долларах, достигнув доли около 2% во всём экспорте), однако в целом усилия по наращиванию и диверсификации экспорта пока не смогли оказать существенного влияния на его структуру и снизить роль природных ресурсов для экономики России [Зоидов и др., 2019; Миронова, 2020]. При этом в последние годы экспорт энергоносителей оказался под негативным влиянием сразу нескольких факторов.

---

³ Экспорт России важнейших товаров. Данные статистики Федеральной таможенной службы России. URL: <http://customs.ru/folder/513> (дата обращения: 23.04.2020).

Млрд долл.

Экспорт России (млрд долл. США) и доля (%) в нём нефти, нефтепродуктов, жидкого топлива и дизельного топлива, газа природного (в том числе сжиженного), угля и кокса, в 2011–2019 гг. (по данным ФТС)

Усиление конкуренции и политический фактор

Резкое снижение потребления энергоресурсов, обусловленное карантинными мерами по всему миру, вместе с временной приостановкой действия соглашения основных экспортёров нефти ОПЕК+ обрушили цены на нефть, что стало серьёзнейшим испытанием для российского бюджета. Усугубил ситуацию ценовой демпинг Саудовской Аравии, которая стала предлагать дополнительные скидки для покупателей в Европе и других регионах мира к и без того уже низким ценам. Разорванное соглашение ОПЕК+ удалось восстановить буквально за месяц, однако одна из главных причин его неустойчивости – значительно выросшая добыча сланцевой нефти в США, превратившая эту страну из импортёра нефти в её экспортёра, все еще остается одним из ключевых негативных факторов для российского экспорта нефти.

Многолетнее отрицание проблемы сланцевой нефти, которое можно было услышать от российских чиновников и руководителей нефтяных компаний, никогда не было достаточно убедительным. Даже изменение уровня добычи на несколько сотен тысяч баррелей в день, связанное с действиями террористов в Ираке, ограничением экспорта из Ирана или проблемами в нефтяной отрасли Венесуэлы, ранее приводили к колебаниям цены на нефть на десятки долларов за баррель. Поэтому утверждения о чрезмерной дороговизне

сланцевой нефти или слабости добывающих ее компаний могли успокаивать разве что широкую аудиторию общественно-политических СМИ, однако никак не сглаживали нараставшие диспропорции в мировом нефтяном балансе, производство в котором выросло на 45% в 1990–2018 гг.⁴ за счёт взрывного роста добычи в США (на 16,5%)⁵.

Усилившаяся конкуренция станет серьезным препятствием для восстановления высоких цен на нефть на годы вперед: совершенствующиеся технологии добычи понизили стоимость разработки сланцевой нефти, а возможность временной консервации неприбыльных скважин позволит американским производителям иметь возможность гибко реагировать на меняющиеся цены изменением уровня добычи. В ситуации, когда многие российские скважины при остановке добычи технологически расконсервировать может быть уже невозможно или крайне дорого [Вавина, 2020], трудно говорить о сильной переговорной позиции нашей страны при заключении или пролонгации соглашений с другими странами-экспортёрами.

Фактор усиления конкуренции будет оказывать на российский экспорт негативное воздействие и по причине самой ограниченности наших нефтяных запасов. Рост добычи в новых районах Восточной Сибири и на других месторождениях уже в ближайшие годы не сможет замещать постепенно выбывающие ресурсы крупнейших месторождений Западной Сибири, тогда как лидирующие по доказанным запасам нефти страны смогут вести добычу ещё многие десятилетия. Возможность разработки российских шельфовых и сильнообводнённых месторождений при этом сдерживается высокой себестоимостью работ, а поддержка достигнутого уровня добычи на многих старых месторождениях ещё до резкого падения цен на нефть в 2020 г. требовала налоговых послаблений, без которых объёмы извлечения сырья к 2035 г. могут уменьшиться вдвое [Петлевой, 2019].

Ещё более остро проблемы с усилением конкуренции сказались на перспективах экспорта российского газа, который столкнулся с поступлением на рынки сжиженного природного газа (СПГ). Эта альтернатива трубопроводному газу также долгое время не воспринималась всерьёз, потому как считалось, что

⁴ Только за 2018 г. увеличение составило 2%.

⁵ Статистика по производству сырой нефти // EnerData [Эл. ресурс]. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statistics.html> (дата обращения: 08.05.2020).

низкая стоимость доставки позволит нам иметь конкурентное преимущество на рынке Европы. Однако возросшие объёмы добычи сланцевого газа и гибкие поставки СПГ постепенно стали сбивать цены на газовом рынке, так что продажи «Газпрома» через электронные аукционные площадки стали дешевле долгосрочных контрактов. Руководство компании предполагает сохранить достигнутый уровень поставок в Европу, однако для вытеснения с этого рынка СПГ из Катара, США и других стран экспортные цены придётся держать на низком уровне, что не сможет обеспечивать прежнюю доходность.

Примечательно, что одним из конкурентов продукции «Газпрома» на европейских рынках оказался российский же СПГ с Ямала. При строительстве завода на полуострове предполагалось, что поставки с него СПГ будут в большей степени направляться на восточные рынки, однако в 2019 г. более 85% продаж пришлось на западное направление, что обеспечило российскому газу (трубопроводному вместе с СПГ) суммарно почти половину газового рынка ЕС, однако обострение внутренней конкуренции не добавило прибыли компаниям [Барсуков, 2020].

Политические риски в последние годы также стали важным сдерживающим фактором для российского экспорта, однако они оказывают наибольшее воздействие в ситуациях, когда могут способствовать ограничению конкуренции для создания дополнительных преимуществ экспортёрам других стран. Один из ярких примеров – давление США на строительство российского газопровода «Северный поток-2». Санкции против европейских компаний-подрядчиков значительно сдвинули сроки окончания проекта, который в целом для ЕС не является жизненно важным – поставки российского газа могут прийти и по другим маршрутам, да и в целом газ может быть поставлен из разных стран без существенного повышения цен. Отметим, что в аналогичной ситуации с санкциями против алюминиевой компании «РУСАЛ» воздействие на рынок металла оказалось очень существенным, что привело к достаточно быстрой корректировке введённых мер и возвращению компании на мировые рынки (правда, при кардинальном изменении структуры управления компанией).

Безусловно, сдерживающее влияние политического фактора имеет важное значение, однако оно в гораздо большей степени сказывается на замедлении общего экономического взаимодействия

России с развитыми странами, а также на усложнении импорта высокотехнологичного оборудования для отдельных отраслей или территорий (как в ситуации с закупкой турбин на строительство электростанций в Крыму). Поставки необходимых для Европы российских энергетических ресурсов до настоящего времени не запрещались, что в первую очередь обусловлено сильным вероятным воздействием таких мер на соответствующие товарные рынки и связанными с этим негативными последствиями для всей мировой экономики.

В целом же наблюдаемая в последние годы практика широчайшего применения инструмента экономических санкций в международной торговле не добавляет уверенности в устойчивости российского экспорта (в особенности трубопроводного) при имеющейся чрезвычайно высокой зависимости от небольшого числа товаров.

Борьба с потеплением климата

Глобальное потепление климата и направленные на его замедление меры государств ЕС также оказывают всё возрастающее влияние на сокращение российского энергетического экспорта. Строго говоря, и само введение мер, включающее субсидирование использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), можно было бы объяснить усилением конкуренции нашим ископаемым ресурсам со стороны других видов источников энергии. Однако такое усиление сектора ВИЭ, позволившего значительно сократить выработку угольных ТЭС за последние годы (например, в Великобритании с 23% в 2014 г. до 9% в 2016 г.) [Оверченко, 2017], не могло бы случиться без сознательной политики противодействия ускоряющемуся глобальному потеплению.

Россия многие годы была известна скептическим отношением как к самому наличию глобального потепления (лишь в последние годы из-за постоянно обновляющихся рекордов самых тёплых сезонов и лет его практически перестали отрицать), так и к причинам, его порождающим. Соответственно, в целом негативно у нас воспринимались и попытки развитых стран субсидировать ВИЭ. Особенно рельефно это выразил В.В. Путин на Глобальном саммите по производству и индустриализации (GMIS) в Екатеринбурге в 2019 г., назвав отказ от ядерной энергетики в пользу альтернативных источников попыткой «облачиться в шкуры и переселиться в пещеры». При

этом вибрация ветряков объявлена крайне вредной для птиц и червяков [Путин ..., 2019].

Тем не менее и в нашей стране Правительство в 2013 г. провозгласило цель по развитию рынка ВИЭ и доведению его доли до 4,5% общей выработки электроэнергии (за исключением крупных ГЭС). Принятые меры не позволили достигнуть указанных параметров в 2020 г., что, в общем, никого не удивило и обусловило продление сроков до 2024 г. Возможно, с точки зрения развития технологий данная ситуация действительно не является критической, а такое отношение к ней российского правительства оправдывается тем, что оно возлагает значительно большие надежды на развитие технологии термоядерного синтеза, что в перспективе может сделать невостребованными любые другие способы выработки энергии. Однако следует помнить, что это тоже затронет сферу традиционной энергетики, а значит, и российского энергетического экспорта.

Действительно, можно относиться с некоторой долей недоверия к отчётам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), которое утверждает, что в 2018 г. в большинстве регионов мира ВИЭ стали самым доступным новым источником энергии [IRENA, 2019], а за счет снижения себестоимости в 2020 г. 80% солнечных и 75% наземных ветровых установок будут обеспечивать более дешевую энергию, чем любые станции традиционной энергетики. И всё же доля ВИЭ стремительно растёт во многих странах – в США в 2019 г. мощности ВИЭ впервые превысили установленные мощности угольной генерации, несмотря на попытки администрации президента Трампа способствовать восстановлению угольной промышленности. В странах ЕС в 2018 г. только ветровая генерация обеспечила выработку 14% всей электроэнергии⁶ [Wind ..., 2019], а целевой показатель для ВИЭ составляет 32% к 2030 г.

Одним из главных недостатков ВИЭ чаще всего называется зависимость от погодных условий, однако, даже минимальная за 2019 г. доля ВИЭ в выработке электроэнергии Германии в конце января составила 29% (при максимуме в 65% в начале марта) [Третьяков, 2019]. В Европейском союзе доля ВИЭ по итогам этого же года, практически догнала угольную генерацию

---

⁶ Wind now provides 14% of Europe's electricity // WindEurope [Эл. ресурс]. URL: <https://windEurope.org/newsroom/press-releases/wind-now-provides-14-percent-of-europes-electricity/> (дата обращения: 10.05.2020).

[Defying..., 2020], а в ФРГ это произошло уже по итогам 2018 г., что безусловно способствовало закрытию последней каменноугольной шахты Германии [Третьяков, 2019]. И хотя на угольную генерацию страны в октябре 2019 г. всё ещё приходилось 27% выработки электроэнергии, очевидно, что эта доля будет только сокращаться, ведь даже без учёта перехода на более экологические виды генерации немецкая концепция «энергетического поворота» (Energiewende) ставит цель по сокращению потребления электроэнергии, которое к 2050 г. должно будет составить 75% от уровня 2008 г.

Тенденция к отказу от угольной генерации в развитых экономиках мира пока выгодна для российского экспорта только с точки зрения возможного увеличения (или, по крайней мере, сохранения) потребления природного газа. При этом экспорт угля, важный для России в целом, и для некоторых регионов в частности, уже испытывает на себе сильное давление – в 2019 г. снизившиеся цены на уголь на мировых рынках привели к тому, что добыча угля в Кузбассе упала по итогам года впервые за 20 лет.

Пока объёмы экспорта российского угля в страны ЕС довольно значительны, а, например, для Германии поставки из нашей страны составляют около 45% и превышают доли США, Австралии и Колумбии вместе взятых [Гурков, 2019]. Однако тенденцию сокращения потребления угля, начавшуюся в ЕС ещё в 2013 г., сегодня не поддерживают только в некоторых странах Азии, что идёт полностью вразрез с Энергетической стратегией России, предполагающей наращивание экспорта в перспективе до 2035 г.

Ответ вызовам и перспективы

Основное внимание российского правительства в отношении экспорта долгие годы было сосредоточено на разрешении периодически возникающих конфликтов со странами-транзитёрами. Поставки нефти и газа через Украину и Белоруссию в течение продолжительного времени повторяли сложившиеся в советское время маршруты и оставались основными для продажи энергоносителей в страны Европы. Вопрос о строительстве инфраструктуры в обход этих стран возникал из-за постоянных сложностей в обсуждении транзитных контрактов, которые могли сопровождаться в том числе остановкой транзита и межгосударственными консультациями.

В ходе строительства Балтийской трубопроводной системы (трубопроводы и нефтяные терминалы в Ленинградской области) и «Северного потока» (газопровод по дну Балтийского моря напрямую в Германию) высказывались разные мнения по поводу его целесообразности. Тем не менее обе системы были введены в строй, что в некоторой степени повысило возможность России добиваться более выгодных условий по прокачке нефти и газа через территории соседних государств, однако не позволило полностью избавиться от необходимости транзита.

Сегодня, несмотря на то, что актуальность строительства и содержания дополнительных систем становится менее очевидной при условии стабилизации отношений с пограничными государствами, российское правительство на такой исход не полагается и продолжает прикладывать все усилия к сооружению новых обходных газовых маршрутов: трубопровод в Турцию удалось запустить в начале 2020 г. (поставки по нему пошли также в Болгарию), а «Северный поток-2» приходится достраивать в режиме жёсткого противостояния проекту со стороны США, что значительно усложняет и затягивает его реализацию.

Поддержать необходимость всех этих трат (полный размер которых не разглашается, но может суммарно превышать сотни миллиардов долларов США) можно только в парадигме постоянного противостояния с соседними странами по поводу цен и условий транзита, однако уже упомянутое успешное развитие поставок СПГ с полуострова Ямал ставит под сомнение этот довод. Нужна ли была такая принципиальная приверженность к строительству новых труб и было ли оправданным отрицание перспективности технологии транспортировки сжиженного природного газа? Ответ на этот вопрос сам «Газпром» дал в 2019 г., когда было объявлено о строительстве крупного комплекса по производству СПГ в Усть-Луге, что потребует новых инвестиций примерно в 10 млрд долл. США, но при этом позволит получить действительную независимость и гибкость поставок для компании.

Оказалась под сомнением и эффективность средств, вложенных в развитие морских портов российской Балтики. Увеличение транспортного плеча при поставках в порты Ленинградской области считалось приемлемой платой за отказ от использования портовых услуг прибалтийских государств. Безусловный позитивный экономический эффект для российского побережья

теперь, к сожалению, не очевиден: многие из новых терминалов ориентировались на перевалку угля, отгрузка которого показала падение уже по итогам 2019 г. из-за сокращения потребления в Европе (при этом отправка в Азиатско-Тихоокеанский регион при низких ценах на уголь также оказалась неприбыльной) [Фомичева, 2020]. В итоге инвесторы пересматривают прежние чересчур оптимистичные параметры проектов перевалочных комплексов в Приморске, Высоцке и Усть-Луге на общую сумму около 2,5 млрд долл. США, а уже построенные новые терминалы в перспективе смогут продолжить работу только за счёт вытеснения с рынка устаревших мощностей по перевалке.

В ситуации постепенного сжатия европейского экспортного рынка более оправданными выглядят гигантские инвестиции в развитие экспортных мощностей в восточном направлении. Сооруженная в последние годы трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан» позволила вывести на мировой рынок новый сорт нефти ESPO, которая из-за более высоких качественных характеристик обычно продаётся дороже сорта Urals. Новым приоритетом экспорта на растущие рынки Азии обосновывается и строительство газопровода «Сила Сибири», однако стоимость строительства обоих трубопроводов до конца не известна (также остаётся скрытой и законтрактованная цена поставок газа и нефти в КНР), что не позволяет оценить окупаемость затрат.

Вопросы к адекватности и своевременности принимаемых решений при стратегическом планировании инфраструктурной поддержки российского экспорта возникают и при анализе развития железнодорожной инфраструктуры. Первый этап модернизации Транссиба и БАМа, запланированный в 2013 г., должен был завершиться в 2017-м, но работы по нему все еще продолжаются. Компании-экспортёры жалуются на нехватку перевозных мощностей в восточном направлении уже сейчас, однако ощутимое увеличение провозной способности магистралей (со 124,9 млн до 180 млн т) запланировано только на 2023 г.

Сегодня трудно спрогнозировать изменения в структуре энергогенерации в Азии к окончанию модернизации Восточного полигона железных дорог, однако недополученная прибыль экспортёров ресурсов может привести к банкротству добывающих компаний, особенно в угольной отрасли. Поможет ли субсидирование железнодорожных перевозок угольному экспорту в случае

длительного снижения цен на ресурс? И понадобятся ли поздно введённые провозные мощности, если добывающие предприятия не дотянут до расшивки узких мест в восточном направлении, ведь транспортировка угля, по итогам 2019 г., имела долю в 54,8% в грузообороте Восточного полигона РЖД [Скорлыгина, 2020]?

В этом контексте свою важную роль может сыграть и глобальное потепление. Оставляя в стороне возможные последствия для различных отраслей энергетики, инфраструктуры северных городов и другие будущие вызовы, с точки зрения тематики данной статьи стоит более пристально оценить планируемые затраты на развитие инфраструктуры Северного морского пути (СМП), освобождение которого от льдов пока видится российскому правительству сплошным благом [Дец, 2019]. Не окажутся ли дублирующими провозные мощности реконструируемых железных дорог? Удастся ли извлечь ощутимую выгоду от прохода иностранных судов по СМП, которые без использования услуг российских портов вряд ли как-то изменят экономику наших арктических территорий?

Стоит также помнить, что у России нет гарантий наращивания поставок энергоресурсов в Китай и другие страны Азии – конкуренция на рынке энергоресурсов становится всё более ожесточённой и перенаправить свои товары на более перспективные рынки сбыта пытаются многие игроки. К тому же население азиатского региона не растёт прежними темпами (так же, как и экономика), а при переходе региона на технологии «зелёной» генерации российский экспорт будет стагнировать и в этом направлении.

Остаётся надеяться, что экономический шок 2020 г. поможет правительству провести ревизию принятых ранее решений и добиться не только ускоренной переброски экспорта в восточном направлении, но и его настоящей диверсификации, без которой Россия уже в перспективе ближайших десятилетий может оказаться бывшей энергетической сверхдержавой.

Литература

Аналитики спрогнозировали сокращение ВВП России на 10–11% // Коммерсантъ [Эл. ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4318272> (дата обращения: 14.04.2020).

Барсуков Ю. Не смыкая газ // Коммерсантъ. 2020. № 8/П. С. 1.

Вавина Е. Российские нефтяники не могут договориться, как им снижать добычу // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/17/828341-neftyaniki> (дата обращения: 08.05.2020).

Гулин К., Якушев Н., Мазилев Е. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены факты тенденции прогноз. 2018. № 3 (57). С. 57–69. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4

Гурков А. Европа отказывается от угля, но Россия не верит в потерю рынка // Deutsche Welle [Эл. ресурс]. URL: <https://clck.ru/JBHtr> (дата обращения: 11.05.2020).

Дец И.А. Ориентация экспортного вектора сибирских регионов: морехозяйственный фактор // Московский экономический журнал. 2019. № 10. С. 45–54. DOI: 10.24411/2413–046X-2019–10046

Зойдов К.Х., Пономарёва С.В., Удалова А.П. Проблемы влияния на экономику России экспортно-ориентированных отраслей // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2019. № 5. С. 124–131. DOI: 10.26653/2076–4650–2019–5–11

Кузнецова Г.В., Цедилин Л.И. Импортзамещение: предварительные результаты политики за пять лет // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 10. С. 7–25.

Миронова О.А. Необходимость оптимизации товарной структуры экспорта России на макро- и мезоуровне // Economics. Law. State. 2020. № 1(9). С. 19–28.

Оверченко М. Великобритания перестает применять ископаемое топливо для электрогенерации // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/04/24/687112-velikobritaniya-perestael-iskopaeemoe-elektrogeneratsii> (дата обращения: 10.05.2020).

Петлевой В. После 2022 года добыча нефти в России начнет падать // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/01/15/791387-posle-2022-dobicha-nefti> (дата обращения: 08.05.2020).

Путин сравнил отказ от ядерной энергетики с возвращением к шкурам и пещерам // Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/07/09/806189-pescheram> (дата обращения: 10.05.2020).

Скорлыгина Н. Восточный полигон разбирают на квоты // Коммерсантъ. 2020. № 50. С. 7.

Содомова С.К., Рубцова Н.В. Анализ реализации программы импортзамещения в Российской Федерации // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 1. С. 187–200. DOI: 10.18334/eo.10.1.100700

Третьяков Е. Генерация будущего // РБК [Эл. ресурс]. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5df0a1a67a8aa9741a642992> (дата обращения: 10.05.2020).

Фомичева Е. В портах российской Балтики отмечен опасный тренд // РБК [Эл. ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/17/01/2020/5e215adf9a7947285e65d04f (дата обращения: 12.05.2020).

Шманев С.В., Морковкин Д.Е., Чернова Е.В. Современные тренды развития химической промышленности в Российской Федерации в условиях импортзамещения // Вестник ОПЕЛГИЭТ. 2019. № 3 (49). С. 107–115. DOI: 10.36683/2076–5347–2019–3–49–107–115

Шуплецов А., Буньковский Д. Диверсификация российского экспорта нефти и нефтепродуктов // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 6. С. 889–895. DOI: 10.17150/2500–2759.2016.26(6).889–895

Defying expectations of a rise, global carbon dioxide emissions flatlined in 2019 // International Energy Agency [Эл. ресурс]. URL: <https://www.iea.org/news/defying-expectations-of-a-rise-global-carbon-dioxide-emissions-flatlined-in-2019> (дата обращения: 10.05.2020).

IRENA. Renewable Power Generation Costs in 2018. Abu Dhabi, Issue of International Renewable Energy Agency. 2019. 88 p.

Статья поступила 22.05.2020.

Статья принята к публикации

Для цитирования: Дец И.А. Российский экспорт энергоносителей – успеваем развернуть? // ЭКО. 2020. № 8. С. 110-124. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-110-124.

Summary

Dets, I.A., Cand. Sci.(Geography), Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk, Russian Exports – do we have Time to Turn it Around?

Abstract. Oil, gas and coal-exporting countries are suffering a particularly severe blow to their economies in the face of a sharp drop in energy prices around the world. The situation has become even more challenging because the competition between long-standing suppliers of “classic” energy raw materials has intensified due to development of technologies for extracting light tight oil and shale gas deposits and the increasingly successful use of wind and solar energy by countries with developed economies. The export of energy resources has been the mainstay of the Russian economy for many years, which requires the Federal government to pay close attention to development of transport infrastructure that supports foreign trade. The paper analyzes factors and trends in development of raw energy markets, as well as reviews actions of the Russian authorities to stimulate the development of export infrastructure in recent years.

Keywords: *export; oil; natural gas; coal; LNG; renewable energy sources; pipelines; seaports; Baikal-Amur Mainline; Trans-Siberian railway*

References

Analysts have predicted a 10–11% reduction in Russia’s GDP. (2020). *Kommersant*. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4318272> (accessed 14.04.2020).

Barsukov, Yu. (2020). Not closing gas. *Kommersant*. No. 8/II. P. 1. (In Russ.).

Defying expectations of a rise, global carbon dioxide emissions flatlined in 2019. (2020). *International Energy Agency*. Available at: <https://www.iea.org/news/defying-expectations-of-a-rise-global-carbon-dioxide-emissions-flatlined-in-2019> (accessed 10.05.2020).

Dets, I.A. (2019). Dependence of Siberian regions’ exports on the marine complex. *Moscow Economic Journal*. No. 10. Pp. 45–54. (In Russ.). DOI: 10.24411/2413–046X-2019–10046

Fomicheva, E. (2020). Dangerous trend noted in Russian Baltic ports. *RBK*. (In Russ.). Available at: https://www.rbc.ru/spb_sz/17/01/2020/5e215adf9a7947285e65d04f (accessed 12.05.2020).

Gulin, K., Yakushev, N., Mazilov, E. (2018). Promoting Economic Growth in Regions of the Russian Federation by Boosting the Development of Non-Resource-Based Exports. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. Vol. 57. No. 3. Pp. 57–69. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4

Gurkov, A. (2019). Europe refuses coal, but Russia does not believe in market loss. *Deutsche Welle*. (In Russ.). Available at: <https://clck.ru/JBHtr> (accessed 11.05.2020).

IRENA. (2019). *Renewable Power Generation Costs in 2018*. Abu Dhabi, International Renewable Energy Agency Publ. 88 p.

Kuznetsova, G.V., Tsedilin, L.I. (2019). Import substitution: preliminary policy results for five years. *Russian foreign economic bulletin*. No. 10. Pp. 7–25. (In Russ.).

Mironova, O.A. (2020). The need to optimize the commodity structure of Russian exports at the macro and meso levels. *Economics. Law. State*. Vol. 9. No. 1. Pp. 19–28. (In Russ.).

Overchenko, M. (2017). UK stops using fossil fuels for power generation. *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/04/24/687112-velikobritaniya-perestact-iskopaemoe-elektrogeneratsii> (accessed 10.05.2020).

Petlevoi, V. (2019). After 2022, oil production in Russia will begin to fall. *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/01/15/791387-posle-2022-dobicha-nefti> (accessed 08.05.2020).

Putin compared nuclear abandonment to skins and caves. (2019). *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/07/09/806189-pescheram> (accessed 10.05.2020).

Shmanev, S.V., Morkovkin, D.E., Chernova E.V. (2019). Modern development trends of chemical industry in the Russian Federation under conditions of import substitution. *OrelSJET Bulletin*. Vol. 49. No. 3. Pp. 107–115. (In Russ.). DOI: 10.36683/2076–5347–2019–3–49–107–115

Shupletsov, A., Bunkovsky, D. (2016). Diversification of Russian oil export and oil products. *Bulletin of Baikal State University*. Vol. 26. No. 6. Pp. 889–895. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2016.26(6).889–895

Skorlygina, N. (2020). The eastern landfill is disassembled into quotas. *Kommersant*. No. 50. P. 7. (In Russ.).

Sodnomova, S.K., Rubtsova, N.V. (2020). Analysis of the implementation of the import substitution program in the Russian Federation. *Journal of international economic affairs*. Vol. 10. No. 1. Pp. 187–200. (In Russ.). DOI: 10.18334/eo.10.1.100700

Tretyakov, E. (2019). Future generation. *RBK*. (In Russ.). Available at: <https://plus.rbc.ru/news/5df0a1a67a8aa9741a642992> (accessed 10.05.2020).

Vavina, E. (2020). Russian oil companies cannot agree on how to reduce production. *Vedomosti*. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/17/828341-neftyaniiki> (accessed 08.05.2020).

Zoidov, K. Kh., Ponomareva, S.V., Udalova, A.P. (2019). Problems of influence on the Russian economy of export-oriented industries. *Scientific review. Series 1. Economics and law*. No. 5. Pp. 124–131. (In Russ.). DOI: 10.26653/2076–4650–2019–5–11

For citation: Dets, I.A. (2020). Russian Exports – do we have Time to Turn it Around? *ECO*. No. 8. Pp. 110-124 (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-110-124.